ВС
МУЛЬТИМЕДІЙНЕ ВИДАВНИЦТВО СТРАТЕГІЙ

33

лучших юмористических

рассказа

Семен Соломонович Юшкевич
Аркадий Тимофеевич Аверченко
Саша Чёрный
Антон Павлович Чехов
Влас Михайлович Дорошевич
Александр Иванович Куприн
Сидни О.Генри
Ефим Зозуля
Джером Клапка Джером

33 лучших юмористических рассказа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5807235

Аннотация

В книге представлено 33 лучших юмористических рассказа, вышедших из-под пера блестящих русских и зарубежных писателей, «королей смеха», творивших на рубеже XIX–XX вв.

Смех – это одно из наиболее ценных достояний человека, свидетельство его свободы и гарант хорошего настроения. Благодаря этой книге Вы узнаете как и над чем смеялись в разных уголках земли более ста лет назад.

Тематика рассказов различна, однако их объединяет величайшее авторское умение подмечать веселое и комичное даже в самых скучно-серых бытовых вопросах, меткость характеристик и легкий слог.

Содержание

Антон Чехов 4
Беззащитное существо 4
Из дневника помощника бухгалтера 7
Унтер Пришибеев 9
Ну публика! 12
Письмо к ученому соседу 15
Лошадиная фамилия 18
Хамелеон 21
Влас Дорошевич 23
Двадцатый век 23
Лечение земляникой, клубникой, садовой красной смородиной 28
Женихи 32
Легенда о происхождении корсета 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

33 лучших юмористических рассказа

Антон Чехов

Беззащитное существо

Как ни силен был ночью припадок подагры, как ни скрипели потом нервы, а Кистунов все-таки отправился утром на службу и своевременно начал приемку просителей и клиентов банка. Вид у него был томный, замученный, и говорил он еле-еле, чуть дыша, как умирающий.

– Что вам угодно? – обратился он к просительнице в допотопном салопе, очень похожей сзади на большого навозного жука.

– Изволите ли видеть, ваше превосходительство, – начала скороговоркой просительница, – муж мой, коллежский асессор Щукин, проболел пять месяцев, и, пока он, извините, лежал дома и лечился, ему без всякой причины отставку дали, ваше превосходительство, а когда я пошла за его жалованьем, они, изволите видеть, вычли из его жалованья 24 рубля 36 коп.! За что? – спрашиваю. – «А он, говорят, из товарищеской кассы брал и за него другие чиновники ручались». Как же так? Нешто он мог без моего согласия брать? Это невозможно, ваше превосходительство. Да почему такое? Я женщина бедная, только и кормлюсь жильцами… Я слабая, беззащитная… От всех обиду терплю и ни от кого доброго слова не слышу…

Просительница заморгала глазами и полезла в салоп за платком. Кистунов взял от нее прошение и стал читать.

– Позвольте, как же это? – пожал он плечами. – Я ничего не понимаю. Очевидно, вы, сударыня, не туда попали. Ваша просьба по существу совсем к нам не относится. Вы потрудитесь обратиться в то ведомство, где служил ваш муж.

– И-и, батюшка, я в пяти местах уже была, и везде даже прошения не взяли! – сказала Щукина. – Я уж и голову потеряла, да спасибо, дай бог здоровья зятю Борису Матвеичу, надоумил к вам сходить. «Вы, говорит, мамаша, обратитесь к господину Кистунову: он влиятельный человек, для вас всё может сделать»… Помогите, ваше превосходительство!

– Мы, госпожа Щукина, ничего не можем для вас сделать… Поймите вы: ваш муж, насколько я могу судить, служил по военно-медицинскому ведомству, а наше учреждение совершенно частное, коммерческое, у нас банк. Как не понять этого!

Кистунов еще раз пожал плечами и повернулся к господину в военной форме, с флюсом.

– Ваше превосходительство, – пропела жалобным голосом Щукина, – а что муж болен был, у меня докторское свидетельство есть! Вот оно, извольте поглядеть!

– Прекрасно, я верю вам, – сказал раздраженно Кистунов, – но, повторяю, это к нам не относится. Странно и даже смешно! Неужели ваш муж не знает, куда вам обращаться?

– Он, ваше превосходительство, у меня ничего не знает. Зарядил одно: «Не твое дело! Пошла вон!» да и всё тут… А чье же дело? Ведь на моей-то шее они сидят! На мое-ей!

Кистунов опять повернулся к Щукиной и стал объяснять ей разницу между ведомством военно-медицинским и частным банком. Та внимательно выслушала его, кивнула в знак согласия головой и сказала:

– Так, так, так… Понимаю, батюшка. В таком случае, ваше превосходительство, прикажите выдать мне хоть 15 рублей! Я согласна не всё сразу.

– Уф! – вздохнул Кистунов, откидывая назад голову. – Вам не втолкуешь! Да поймите же, что обращаться к нам с подобной просьбой так же странно, как подавать прошение о разводе, например, в аптеку или в пробирную палатку. Вам недоплатили, по мы-то тут при чем?

– Ваше превосходительство, заставьте вечно бога молить, пожалейте меня, сироту, – заплакала Щукина. – Я женщина беззащитная, слабая… Замучилась до смерти… И с жильцами судись, и за мужа хлопочи, и по хозяйству бегай, а тут еще говею и зять без места… Только одна слава, что пью и ем, а сама еле на ногах стою… Всю ночь не спала.

Кистунов почувствовал сердцебиение. Сделав страдальческое лицо и прижав руку к сердцу, он опять начал объяснять Щукиной, но голос его оборвался…

– Нет, извините, я не могу с вами говорить, – сказал он и махнул рукой. – У меня даже голова закружилась. Вы и нам мешаете и время понапрасну теряете. Уф!.. Алексей Николаич, – обратился он к одному из служащих, – объясните вы, пожалуйста, госпоже Щукиной!

Кистунов, обойдя всех просителей, отправился к себе в кабинет и подписал с десяток бумаг, а Алексей Николаич всё еще возился со Щукиной. Сидя у себя в кабинете, Кистунов долго слышал два голоса: монотонный, сдержанный бас Алексея Николаича и плачущий, взвизгивающий голос Щукиной…

– Я женщина беззащитная, слабая, я женщина болезненная, – говорила Щукина. – На вид, может, я крепкая, а ежели разобрать, так во мне ни одной жилочки нет здоровой. Еле на ногах стою и аппетита решилась… Кофий сегодня пила, и без всякого удовольствия.

А Алексей Николаич объяснял ей разницу между ведомствами и сложную систему направления бумаг. Скоро он утомился, и его сменил бухгалтер.

– Удивительно противная баба! – возмущался Кистунов, нервно ломая пальцы и то и дело подходя к графину с водой. – Это идиотка, пробка! Меня замучила и их заездит, подлая! Уф… сердце бьется!

Через полчаса он позвонил. Явился Алексей Николаич.

– Что у вас там? – томно спросил Кистунов.

– Да никак не втолкуем, Петр Александрыч! Просто замучились. Мы ей про Фому, а она про Ерему…

– Я… я не могу ее голоса слышать… Заболел я… не выношу…

– Позвать швейцара, Петр Александрыч, пусть ее выведет.

– Нет, нет! – испугался Кистунов. – Она визг поднимет, а в этом доме много квартир, и про нас чёрт знает что могут подумать… Уж вы, голубчик, как-нибудь постарайтесь объяснить ей.

Через минуту опять послышалось гуденье Алексея Николаича. Прошло четверть часа, и на смену его басу зажужжал сиплый тенорок бухгалтера.

– За-ме-чательно подлая! – возмущался Кистунов, нервно вздрагивая плечами. – Глупа, как сивый мерин, чёрт бы ее взял. Кажется, у меня опять подагра разыгрывается… Опять мигрень…

В соседней комнате Алексей Николаич, выбившись из сил, наконец, постучал пальцем по столу, потом себе по лбу.

– Одним словом, у вас на плечах не голова, – сказал он, – а вот что…

– Ну, нечего, нечего… – обиделась старуха. – Своей жене постучи… Скважина! Не очень-то рукам волю давай.

И, глядя на нее со злобой, с остервенением, точно желая проглотить ее, Алексей Николаич сказал тихим, придушенным голосом:

– Вон отсюда!

– Что-о? – взвизгнула вдруг Щукина. – Да как вы смеете? Я женщина слабая, беззащитная, я не позволю! Мой муж коллежский асессор! Скважина этакая! Схожу к адвокату

Дмитрию Карлычу, так от тебя звания не останется! Троих жильцов засудила, а за твои дерзкие слова ты у меня в ногах наваляешься! Я до вашего генерала пойду! Ваше превосходительство! Ваше превосходительство!

– Пошла вон отсюда, язва! – прошипел Алексей Николаич.

Кистунов отворил дверь и выглянул в присутствие.

– Что такое? – спросил он плачущим голосом.

Щукина, красная как рак, стояла среди комнаты и, вращая глазами, тыкала в воздух пальцами. Служащие в банке стояли по сторонам и, тоже красные, видимо замученные, растерянно переглядывались.

– Ваше превосходительство! – бросилась к Кистунову Щукина. – Вот этот, вот самый… вот этот… (она указала на Алексея Николаича) постучал себе пальцем по лбу, а потом по столу… Вы велели ему мое дело разобрать, а он насмехается! Я женщина слабая, беззащитная… Мой муж коллежский асессор, и сама я майорская дочь!

– Хорошо, сударыня, – простонал Кистунов, – я разберу… приму меры… Уходите… после!..

– А когда же я получу, ваше превосходительство? Мне нынче деньги надобны!

Кистунов дрожащей рукой провел себе по лбу, вздохнул и опять начал объяснять:

– Сударыня, я уже вам говорил. Здесь банк, учреждение частное, коммерческое… Что же вы от нас хотите? И поймите толком, что вы нам мешаете.

Щукина выслушала его и вздохнула.

– Так, так… – согласилась она. – Только уж вы, ваше превосходительство, сделайте милость, заставьте вечно бога молить, будьте отцом родным, защитите. Ежели медицинского свидетельства мало, то я могу и из участка удостоверение представить… Прикажите выдать мне деньги!

У Кистунова зарябило в глазах. Он выдохнул весь воздух, сколько его было в легких, и в изнеможении опустился на стул.

– Сколько вы хотите получить? – спросил он слабым голосом.

– 24 рубля 36 копеек.

Кистунов вынул из кармана бумажник, достал оттуда четвертной билет и подал его Щукиной.

– Берите и… и уходите!

Щукина завернула в платочек деньги, спрятала и, сморщив лицо в сладкую, деликатную, даже кокетливую улыбочку, спросила:

– Ваше превосходительство, а нельзя ли моему мужу опять поступить на место?

– Я уеду… болен… – сказал Кистунов томным голосом. – У меня страшное сердцебиение.

По отъезде его Алексей Николаич послал Никиту за лавровишневыми каплями, и все, приняв по 20 капель, уселись за работу, а Щукина потом часа два еще сидела в передней и разговаривала со швейцаром, ожидая, когда вернется Кистунов.

Приходила она и на другой день.

Из дневника помощника бухгалтера

1863 г. Май, 11. Наш шестидесятилетний бухгалтер Глоткин пил молоко с коньяком по случаю кашля и заболел по сему случаю белою горячкой. Доктора, со свойственною им самоуверенностью, утверждают, что завтра помрет. Наконец таки я буду бухгалтером! Это место мне уже давно обещано.

Секретарь Клещев пойдет под суд за нанесение побоев просителю, назвавшему его бюрократом. Это, по-видимому, решено.

Принимал декокт от катара желудка.

1865 г. Август, 3. У бухгалтера Глоткина опять заболела грудь. Стал кашлять и пьет молоко с коньяком. Если помрет, то место останется за мной. Питаю надежду, но слабую, ибо, по-видимому, белая горячка не всегда смертельна!

Клещев вырвал у армянина вексель и порвал. Пожалуй, дело до суда дойдет.

Одна старушка (Гурьевна) вчера говорила, что у меня не катар, а скрытый геморрой. Очень может быть!

1867 г. Июнь, 30. В Аравии, пишут, холера. Быть может, в Россию придет, и тогда откроется много вакансий. Быть может, старик Глоткин помрет и я получу место бухгалтера. Живуч человек! Жить так долго, по-моему, даже предосудительно.

Что бы такое от катара принять? Не принять ли цитварного семени?

1870 г. Январь, 2. Во дворе Глоткина всю ночь выла собака. Моя кухарка Пелагея говорит, что это верная примета, и мы с нею до двух часов ночи говорили о том, как я, ставши бухгалтером, куплю себе енотовую шубу и шлафрок. И, пожалуй, женюсь. Конечно, не на девушке – это мне не по годам, а на вдове.

Вчера Клещев выведен был из клуба за то, что вслух неприличный анекдот рассказывал и смеялся над патриотизмом члена торговой депутации Понюхова. Последний, как слышно, подает в суд.

Хочу с катаром к доктору Боткину сходить. Говорят, хорошо лечит…

1878 г. Июнь, 4. В Ветлянке, пишут, чума. Народ так и валится, пишут. Глоткин пьет по этому случаю перцовку. Ну, такому старику едва ли поможет перцовка. Если придет чума, то уж наверное я буду бухгалтером.

1883 г. Июнь, 4. Умирает Глоткин. Был у него и со слезами просил прощения за то, что смерти его с нетерпением ждал. Простил со слезами великодушно и посоветовал мне употреблять от катара желудевый кофий.

А Клещев опять едва не угодил под суд: заложил еврею взятый напрокат фортепьян. И несмотря на всё это, имеет уже Станислава и чин коллежского асессора. Удивительно, что творится на этом свете!

Инбиря 2 золотника, калгана 1 ½ зол., острой водки 1 зол., семибратней крови 5 зол.; всё смешав, настоять на штофе водки и принимать от катара натощак по рюмке.

Того же года. Июнь, 7. Вчера хоронили Глоткина. Увы! Не в пользу мне смерть сего старца! Снится мне по ночам в белой хламиде и кивает пальцем. И, о горе, горе мне, оканнному: бухгалтер не я, а Чаликов. Получил это место не я, а молодой человек, имеющий протекцию от тетки генеральши. Пропали все мои надежды!

1886 г. Июнь, 10. У Чаликова жена сбежала. Тоскует, бедный. Может быть, с горя руки на себя наложит. Ежели наложит, то я – бухгалтер. Об этом уже разговор. Значит, надежда еще не потеряна, жить можно и, пожалуй, до енотовой шубы уже недалеко. Что же касается женитьбы, то я не прочь. Отчего не жениться, ежели представится хороший случай, только нужно посоветоваться с кем-нибудь; это шаг серьезный.

Клещев обменялся калошами с тайным советником Лирмансом. Скандал!

Швейцар Паисий посоветовал от катара сулему употреблять. Попробую.

Унтер Пришибеев

– Унтер-офицер Пришибеев! Вы обвиняетесь в том, что третьего сего сентября оскорбили словами и действием урядника Жигина, волостного старшину Аляпова, сотского Ефимова, понятых Иванова и Гаврилова и еще шестерых крестьян, причем первым трем было нанесено вами оскорбление при исполнении ими служебных обязанностей. Признаете вы себя виновным?

Пришибеев, сморщенный унтер с колючим лицом, делает руки по швам и отвечает хриплым, придушенным голосом, отчеканивая каждое слово, точно командуя:

– Ваше высокородие, господин мировой судья! Стало быть, по всем статьям закона выходит причина аттестовать всякое обстоятельство во взаимности. Виновен не я, а все прочие. Все это дело вышло из-за, царствие ему небесное, мертвого трупа. Иду это я третьего числа с женой Анфисой тихо, благородно, смотрю – стоит на берегу куча разного народа людей. По какому полному праву тут народ собрался? – спрашиваю. Зачем? Нешто в законе сказано, чтоб народ табуном ходил? Кричу: разойдись! Стал расталкивать народ, чтоб расходились по домам, приказал сотскому гнать взашей…

– Позвольте, вы ведь не урядник, не староста, – разве это ваше дело народ разгонять?

– Не его! Не его! – слышатся голоса из разных углов камеры. – Житья от него нету, вашескородие! Пятнадцать лет от него терпим! Как пришел со службы, так с той поры хоть из села беги. Замучил всех!

– Именно так, вашескородие! – говорит свидетель староста. – Всем миром жалимся. Жить с ним никак невозможно! С образами ли ходим, свадьба ли, или, положим, случай какой, везде он кричит, шумит, всё порядки вводит. Ребятам уши дерет, за бабами подглядывает, чтоб чего не вышло, словно свекор какой… Намеднись по избам ходил, приказывал, чтоб песней не пели и чтоб огней не жгли. Закона, говорит, такого нет, чтоб песни петь.

– Погодите, вы еще успеете дать показание, – говорит мировой, – а теперь пусть Пришибеев продолжает. Продолжайте, Пришибеев!

– Слушаю-с! – хрипит унтер. – Вы, высокородие, изволите говорить, не мое это дело народ разгонять… Хорошо-с… А ежели беспорядки? Нешто можно дозволять, чтобы народ безобразил? Где это в законе написано, чтоб народу волю давать? Я не могу дозволять-с. Ежели я не стану их разгонять да взыскивать, то кто же станет? Никто порядков настоящих не знает, во всем селе только я один, можно сказать, ваше высокородие, знаю, как обходиться с людями простого звания, и, ваше высокородие, я могу все понимать. Я не мужик, я унтер-офицер, отставной каптенармус, в Варшаве служил, в штабе-с, а после того, изволите знать, как в чистую вышел, был в пожарных-с, а после того по слабости болезни ушел из пожарных и два года в мужской классической прогимназии в швейцарах служил… Все порядки знаю-с. А мужик простой человек, он ничего не понимает и должен меня слушать, потому – для его же пользы. Взять хоть это дело, к примеру… Разгоняю я народ, а на берегу на песочке утоплый труп мертвого человека. По какому такому основанию, спрашиваю, он тут лежит? Нешто это порядок? Что урядник глядит? Отчего ты, говорю, урядник, начальству знать не даешь? Может, этот утоплый покойник сам утоп, а может, тут дело Сибирью пахнет. Может, тут уголовное смертоубийство… А урядник Жигин никакого внимания, только папироску курит. «Что это, говорит, у вас за указчик такой? Откуда, говорит, он у вас такой взялся? Нешто мы без него, говорит, не знаем нашего поведения?» Стало быть, говорю, ты не знаешь, дурак этакой, коли тут стоишь и без внимания. «Я, говорит, еще вчера дал знать становому приставу». Зачем же, спрашиваю, становому приставу? По какой статье свода законов? Нешто в таких делах, когда утопшие или удавившие и прочее тому подобное, – нешто в таких делах становой может? Тут говорю, дело уголовное, гражданское… Тут, говорю,

скорей посылать эстафет господину следователю и судьям-с. И перво-наперво ты должен, говорю, составить акт и послать господину мировому судье. А он, урядник, все слушает и смеется. И мужики тоже. Все смеялись, ваше высокородие. Под присягой могу показать. И этот смеялся, и вот этот, и Жигин смеялся. Что, говорю, зубья скалите? А урядник и говорит: «Мировому, говорит, судье такие дела не подсудны». От этих самых слов меня даже в жар бросило. Урядник, ведь ты это сказывал? – обращается унтер к уряднику Жигину.

– Сказывал.

– Все слыхали, как ты это самое при всем простом народе: «Мировому судье такие дела не подсудны». Все слыхали, как ты это самое… Меня, ваше высокородие, в жар бросило, я даже сробел весь. Повтори, говорю, повтори, такой-сякой, что' ты сказал! Он опять эти самые слова… Я к нему. Как же, говорю, ты можешь так объяснять про господина мирового судью? Ты, полицейский урядник, да против власти? А? Да ты, говорю, знаешь, что господин мировой судья, ежели пожелают, могут тебя за такие слова в губернское жандармское управление по причине твоего неблагонадежного поведения? Да ты знаешь, говорю, куда за такие политические слова тебя угнать может господин мировой судья? А старшина говорит: «Мировой, говорит, дальше своих пределов ничего обозначить не может. Только малые дела ему подсудны». Так и сказал, все слышали… Как же, говорю, ты смеешь власть уничижать? Ну, говорю, со мной не шути шуток, а то дело, брат, плохо. Бывало, в Варшаве или когда в швейцарах был в мужской классической прогимназии, то как заслышу какие неподходящие слова, то гляжу на улицу, не видать ли жандарма: «Поди, говорю, сюда, кавалер», – и всё ему докладываю. А тут в деревне кому скажешь?.. Взяло меня зло. Обидно стало, что нынешний народ забылся в своеволии и неповиновении, я размахнулся и… конечно, не то чтобы сильно, а так, правильно, полегоньку, чтоб не смел про ваше высокородие такие слова говорить… За старшину урядник вступился. Я, стало быть, и урядника… И пошло… Погорячился, ваше высокородие, ну, да ведь без того нельзя, чтоб не побить. Ежели глупого человека не побьешь, то на твоей же душе грех. Особливо ежели за дело… ежели беспорядок…

– Позвольте! За непорядками есть кому глядеть. На это есть урядник, староста, сотский…

– Уряднику за всем не углядеть, да урядник и не понимает того, что я понимаю…

– Но поймите, что это не ваше дело!

– Чего-с? как же это не мое? Чудно'-с… Люди безобразят, и не мое дело! Что ж мне хвалить их, что ли? Они вот жалятся вам, что я песни петь запрещаю… Да что хорошего в песнях-то? Вместо того, чтоб делом каким заниматься, они песни… А еще тоже моду взяли вечера с огнем сидеть. Нужно спать ложиться, а у них разговоры да смехи. У меня записано-с!

– Что у вас записано?

– Кто с огнем сидит.

Пришибеев вынимает из кармана засаленную бумажку, надевает очки и читает:

– «Которые крестьяне сидят с огнем: Иван Прохоров, Савва Микифоров, Петр Петров. Солдатка Шустрова вдова живет в развратном беззаконии с Семеном Кисловым. Игнат Сверчок занимается волшебством, и жена его Мавра есть ведьма, по ночам ходит доить чужих коров».

– Довольно! – говорит судья и начинает допрашивать свидетелей.

Унтер Пришибеев поднимает очки на лоб и с удивлением глядит на мирового, который, очевидно, не на его стороне. Его выпученные глаза блестят, нос становится ярко-красным. Глядит он на мирового, на свидетелей и никак не может понять, отчего это мировой так взволнован и отчего из всех углов камеры слышится то ропот, то сдержанный смех. Непонятен ему и приговор: на месяц под арест!

– За что?! – говорит он, разводя в недоумении руками. – По какому закону?

И для него ясно, что мир изменился и что жить на свете уже никак невозможно. Мрачные, унылые мысли овладевают им. Но выйдя из камеры и увидев мужиков, которые толпятся и говорят о чем-то, он по привычке, с которой уже совладать не может, вытягивает руки по швам и кричит хриплым, сердитым голосом:

– Наррод, расходись! Не толпись! По домам!

Ну публика!

– Шабаш, не буду больше пить!.. Ни… ни за что! Пора уж за ум взяться. Надо работать, трудиться… Любишь жалованье получать, так работай честно, усердно, по совести, пренебрегая покоем и сном. Баловство брось… Привык, брат, задаром жалованье получать, а это вот и нехорошо… и нехорошо…

Прочитав себе несколько подобных нравоучений, обер-кондуктор Подтягин начинает чувствовать непреодолимое стремление к труду. Уже второй час ночи, но, несмотря на это, он будит кондукторов и вместе с ними идет по вагонам контролировать билеты.

– Вашш… билеты! – выкрикивает он, весело пощелкивая щипчиками.

Сонные фигуры, окутанные вагонным полумраком, вздрагивают, встряхивают головами и подают свои билеты.

– Вашш… билеты! – обращается Подтягин к пассажиру II класса, тощему, жилистому человеку, окутанному в шубу и одеяло и окруженному подушками. – Вашш… билеты!

Жилистый человек не отвечает. Он погружен в сон. Обер-кондуктор трогает его за плечо и нетерпеливо повторяет:

– Вашш… билеты!

Пассажир вздрагивает, открывает глаза и с ужасом глядит на Подтягина.

– Что? Кто? а?

– Вам говорят по-челаэчески: вашш… билеты! Па-а-трудитесь!

– Боже мой! – стонет жилистый человек, делая плачущее лицо. – Господи, боже мой! Я страдаю ревматизмом… три ночи не спал, нарочно морфию принял, чтоб уснуть, а вы… с билетом! Ведь это безжалостно, бесчеловечно! Если бы вы знали, как трудно мне уснуть, то не стали бы беспокоить меня такой чепухой… Безжалостно, нелепо! И на что вам мой билет понадобился? Глупо даже!

Подтягин думает, обидеться ему или нет, – и решает обидеться.

– Вы здесь не кричите! Здесь не кабак! – говорит он.

– Да в кабаке люди человечней… – кашляет пассажир. – Изволь я теперь уснуть во второй раз! И удивительное дело: всю заграницу объездил, и никто у меня там билета не спрашивал, а тут, словно чёрт их под локоть толкает, то и дело, то и дело!..

– Ну, и поезжайте за границу, ежели вам там нравится!

– Глупо, сударь! Да! Мало того, что морят пассажиров угаром, духотой и сквозняком, так хотят еще, чёрт ее подери, формалистикой добить. Билет ему понадобился! Скажите, какое усердие! Добро бы это для контроля делалось, а то ведь половина поезда без билетов едет!

– Послушайте, господин! – вспыхивает Подтягин. – Вы извольте подтвердить ваши доводы! И ежели вы не перестанете кричать и беспокоить публику, то я принужден буду высадить вас на станции и составить акт об этом факте!

– Это возмутительно! – негодует публика. – Пристает к больному человеку! Послушайте, да имейте же сожаление!

– Да ведь они сами ругаются! – трусит Подтягин. – Хорошо, я не возьму билета… Как угодно… Только ведь, сами знаете, служба моя этого требует… Ежели б не служба, то, конечно… Можете даже начальника станции спросить… Кого угодно спросите…

Подтягин пожимает плечами в отходит от больного. Сначала он чувствует себя обиженным и несколько третированным, потом же, пройдя вагона два-три, он начинает ощущать в своей обер-кондукторской груди некоторое беспокойство, похожее на угрызения совести.

«Действительно, не нужно было будить больного, – думает он. – Впрочем, я не виноват… Они там думают, что это я с жиру, от нечего делать, а того не знают, что этого служба требует… Ежели они не верят, так я могу к ним начальника станции привести».

Станция. Поезд стоит пять минут. Перед третьим звонком в описанный вагон II класса входит Подтягин. За ним шествует начальник станции, в красной фуражке.

– Вот этот господин, – начинает Подтягин, – говорят, что я не имею полного права спрашивать с них билет, и… и обижаются. Прошу вас, господин начальник станции, объяснить им – по службе я требую билет или зря? Господин, – обращается Подтягин к жилистому человеку. – Господин! Можете вот начальника станции спросить, ежели мне не верите.

Больной вздрагивает, словно ужаленный, открывает глаза и, сделав плачущее лицо, откидывается на спинку дивана.

– Боже мой! Принял другой порошок и только что задремал, как он опять… опять! Умоляю вас, имейте вы сожаление!

– Вы можете поговорить вот с господином начальником станции… Имею я полное право билет спрашивать или нет?

– Это невыносимо! Нате вам ваш билет! Нате! Я куплю еще пять билетов, только дайте мне умереть спокойно! Неужели вы сами никогда не были больны? Бесчувственный народ!

– Это просто издевательство! – негодует какой-то господин в военной форме. – Иначе я не могу понять этого приставанья!

– Оставьте… – морщится начальник станции, дергая Подтягина за рукав.

Подтягин пожимает плечами и медленно уходит за начальником станции.

«Изволь тут угодить! – недоумевает он. – Я для него же позвал начальника станции, чтоб он понимал, успокоился, а он… ругается».

Другая станция. Поезд стоит десять минут. Перед вторым звонком, когда Подтягин стоит около буфета и пьет сельтерскую воду, к нему подходят два господина, один в форме инженера, другой в военном пальто.

– Послушайте, г. обер-кондуктор! – обращается инженер к Подтягину. – Ваше поведение по отношению к больному пассажиру возмутило всех очевидцев. Я инженер Пузицкий, это вот… господин полковник. Если вы не извинитесь перед пассажиром, то мы подадим жалобу начальнику движения, нашему общему знакомому.

– Господа, да ведь я… да ведь вы… – оторопел Подтягин.

– Объяснений нам не надо. Но предупреждаем, если не извинитесь, то мы берем пассажира под свою защиту.

– Хорошо, я… я, пожалуй, извинюсь… Извольте…

Через полчаса Подтягин, придумав извинительную фразу, которая бы удовлетворила пассажира и не умалила его достоинства, входит в вагон.

– Господин! – обращается он к больному. – Послушайте, господин!

Больной вздрагивает и вскакивает.

– Что?

– Я тово… как его?.. Вы не обижайтесь…

– Ох… воды… – задыхается больной, хватаясь за сердце. – Третий порошок морфия принял, задремал и… опять! Боже, когда же, наконец, кончится эта пытка!

– Я тово… Вы извините…

– Слушайте… Высадите меня на следующей станции… Более терпеть я не в состоянии. Я… я умираю…

– Это подло, гадко! – возмущается публика. – Убирайтесь вон отсюда! Вы поплатитесь за подобное издевательство! Вон!

Подтягин машет рукой, вздыхает и выходит из вагона. Идет он в служебный вагон, садится изнеможенный за стол и жалуется:

«Ну, публика! Извольте вот ей угодить! Извольте вот служить, трудиться! Поневоле плюнешь на всё и запьешь… Ничего не делаешь – сердятся, начнешь делать – тоже сердятся… Выпить!»

Подтягин выпивает сразу полбутылки и больше уже не думает о труде, долге и честности.

Письмо к ученому соседу

Село Блины-Съедены

Дорогой Соседушка.

Максим… (забыл как по батюшке, извените великодушно!)

Извените и простите меня старого старикашку и нелепую душу человеческую за то, что осмеливаюсь Вас беспокоить своим жалким письменным лепетом. Вот уж целый год прошел как Вы изволили поселиться в нашей части света по соседству со мной мелким человечиком, а я все еще не знаю Вас, а Вы меня стрекозу жалкую не знаете. Позвольте ж драгоценный соседушка хотя посредством сих старческих гиероглифоф познакомиться с Вами, пожать мысленно Вашу ученую руку и поздравить Вас с приездом из Санкт-Петербурга в наш недостойный материк, населенный мужиками и крестьянским народом т. е. плебейским элементом.

Давно искал я случая познакомиться с Вами, жаждал, потому что наука в некотором роде мать наша родная, все одно как и цивилизацыя и потому что сердечно уважаю тех людей, знаменитое имя и звание которых увенчанное ореолом популярной славы, лаврами, кимвалами, орденами, лентами и аттестатами гремит как гром и молния по всем частям вселенного мира сего видимого и невидимого т. е. подлунного. Я пламенно люблю астрономов, поэтов, метафизиков, приват-доцентов, химиков и других жрецов науки, к которым Вы себя причисляете чрез свои умные факты и отрасли наук, т. е. продукты и плоды. Говорят, что вы много книг напечатали во время умственного сидения с трубами, градусниками и кучей заграничных книг с заманчивыми рисунками.

Недавно заезжал в мои жалкие владения, в мои руины и развалины местный максимус пантифекс [1] отец Герасим и со свойственным ему фанатизмом бранил и порицал Ваши мысли и идеи касательно человеческого происхождения и других явлений мира видимого и восставал и горячился против Вашей умственной сферы и мыслительного горизонта покрытого светилами и аэроглитами. Я не согласен с о. Герасимом касательно Ваших умственных идей, потому что живу и питаюсь одной только наукой, которую Провидение дало роду человеческому для вырытия из недр мира видимого и невидимого драгоценных металов, металоидов и бриллиантов, но все-таки простите меня, батюшка, насекомого еле видимого, если я осмелюсь опровергнуть по-стариковски некоторые Ваши идеи касательно естества природы.

О. Герасим сообщил мне, что будто Вы сочинили сочинение, в котором изволили изложить не весьма существенные идеи на щот людей и их первородного состояния и допотопного бытия. Вы изволили сочинить что человек произошел от обезьянских племен мартышек орангуташек и т. п. Простите меня старичка, но я с Вами касательно этого важного пункта не согласен и могу Вам запятую поставить. Ибо, если бы человек, властитель мира, умнейшее из дыхательных существ, происходил от глупой и невежественной обезьяны то у него был бы хвост и дикий голос. Если бы мы происходили от обезьян, то нас теперь водили бы по городам Цыганы на показ и мы платили бы деньги за показ друг друга, танцуя по приказу Цыгана или сидя за решеткой в зверинце. Разве мы покрыты кругом шерстью? Разве мы не носим одеяний, коих лишены обезьяны? Разве мы любили бы и не презирали бы женщину, если бы от нее хоть немножко пахло бы обезьяной, которую мы каждый вторник видим у Предводителя Дворянства? Если бы наши прародители происходили от обезьян, то их не похоронили бы на христианском кладбище; мой прапрадед например Амвросий, живший во время оно в царстве Польском был погребен не как обезьяна, а рядом с абатом католическим

[1] Pontifex maximus, верховный жрец (лат.).

Иоакимом Шостаком, записки коего об умеренном климате и неумеренном употреблении горячих напитков хранятся еще доселе у брата моего Ивана (Маиора). Абат значит католический поп.

Извените меня неука за то, что мешаюсь в Ваши ученые дела и толкую посвоему по старчески и навязываю вам свои дикообразные и какие-то аляповатые идеи, которые у ученых и цивилизованных людей скорей помещаются в животе чем в голове. Не могу умолчать и не терплю когда ученые неправильно мыслят в уме своем и не могу не возразить Вам.

О. Герасим сообщил мне, что Вы неправильно мыслите об луне т. е. об месяце, который заменяет нам солнце в часы мрака и темноты, когда люди спят, а Вы проводите электричество с места на место и фантазируете. Не смейтесь над стариком за то что так глупо пишу. Вы пишите, что на луне т. е. на месяце живут и обитают люди и племена. Этого не может быть никогда, потому что если бы люди жили на луне то заслоняли бы для нас магический и волшебный свет ее своими домами и тучными пастбищами. Без дождика люди не могут жить, а дождь идет вниз на землю, а не вверх на луну. Люди живя на луне падали бы вниз на землю, а этого не бывает. Нечистоты и помои сыпались бы на наш материк с населенной луны. Могут ли люди жить на луне, если она существует только ночью, а днем исчезает? И правительства не могут дозволить жить на луне, потому что на ней по причине далекого расстояния и недосягаемости ее можно укрываться от повинностей очень легко. Вы немножко ошиблись.

Вы сочинили и напечатали в своем умном соченении, как сказал мне о. Герасим, что будто бы на самом величайшем светиле, на солнце, есть черные пятнушки. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Как Вы могли видеть на солнце пятны, если на солнце нельзя глядеть простыми человеческими глазами, и для чего на нем пятны, если и без них можно обойтиться? Из какого мокрого тела сделаны эти самые пятны, если они не сгорают? Может быть, по-вашему и рыбы живут на солнце? Извените меня дурмана ядовитого, что так глупо сострил!

Ужасно я предан науке! Рубль сей парус девятнадцатого столетия для меня не имеет никакой цены, наука его затемнила у моих глаз своими дальнейшими крылами. Всякое открытие терзает меня как гвоздик в спине. Хотя я невежда и старосветский помещик, а все же таки негодник старый занимаюсь наукой и открытиями, которые собственными руками произвожу и наполняю свою нелепую головешку, свой дикий череп мыслями и комплектом величайших знаний.

Матушка природа есть книга, которую надо читать и видеть. Я много произвел открытий своим собственным умом, таких открытий, каких еще ни один реформатор не изобретал. Скажу без хвастовства, что я не из последних касательно образованности, добытой мозолями, а не богатством родителей т. е. отца и матери или опекунов, которые часто губят детей своих посредством богатства, роскоши и шестиэтажных жилищ с невольниками и электрическими позвонками.

Вот что мой грошовый ум открыл. Я открыл, что наша великая огненная лучистая хламида солнце в день Св. Пасхи рано утром занимательно и живописно играет разноцветными цветами и производит своим чудным мерцанием игривое впечатление. Другое открытие. Отчего зимою день короткий, а ночь длинная, а летом наоборот? День зимою оттого короткий, что подобно всем прочим предметам видимым и невидимым от холода сжимается и оттого, что солнце рано заходит, а ночь от возжения светильников и фонарей расширяется, ибо согревается. Потом я открыл еще, что собаки весной траву кушают подобно овцам и что кофей для полнокровных людей вреден, потому что производит в голове головокружение, а в глазах мутный вид и тому подобное прочее.

Много я сделал открытий и кроме этого хотя и не имею аттестатов и свидетельств. Приежжайте ко мне, дорогой соседушко, ей-богу. Откроем что-нибудь вместе, литературой

займемся и Вы меня поганенького вычислениям различным поучите. Я недавно читал у одного Французского ученого, что львиная морда совсем непохожа на человеческий лик, как думают ученыи. И насщот этого мы поговорим. Приежжайте, сделайте милость. Приежжайте хоть завтра например. Мы теперь постное едим, но для Вас будим готовить скоромное.

Дочь моя Наташенька просила Вас, чтоб Вы с собой какие нибудь умные книги привезли. Она у меня эманципе, все у ней дураки, только она одна умная. Молодеж теперь я Вам скажу дает себя знать. Дай им бог! Через неделю ко мне прибудет брат мой Иван (Маиор), человек хороший но между нами сказать, Бурбон и наук не любит.

Это письмо должен Вам доставить мой ключник Трофим ровно в 8 часов вечера. Если же привезет его пожже, то побейте его по щекам, по профессорски, нечего с этим племенем церемонится. Если доставит пожже, то значит в кабак анафема заходил.

Обычай ездить к соседям не нами выдуман не нами и окончится, а потому непременно приежжайте с машинками и книгами. Я бы сам к Вам поехал, да конфузлив очень и смелости не хватает. Извените меня негодника за беспокойство.

Остаюсь уважающий Вас Войска Донского отставной урядник из дворян, ваш сосед
Василий Семи-Булатов

Лошадиная фамилия

У отставного генерал-майора Булдеева разболелись зубы. Он полоскал рот водкой, коньяком, прикладывал к больному зубу табачную копоть, опий, скипидар, керосин, мазал щеку йодом, в ушах у него была вата, смоченная в спирту, но все это или не помогало, или вызывало тошноту. Приезжал доктор. Он поковырял в зубе, прописал хину, но и это не помогло. На предложение вырвать больной зуб генерал ответил отказом. Все домашние – жена, дети, прислуга, даже поваренок Петька предлагали каждый свое средство. Между прочим, и приказчик Булдеева Иван Евсеич пришел к нему и посоветовал полечиться заговором.

– Тут, в нашем уезде, ваше превосходительство, – сказал он, – лет десять назад служил акцизный Яков Васильич. Заговаривал зубы – первый сорт. Бывало, отвернется к окошку, пошепчет, поплюет – и как рукой! Сила ему такая дадена…

– Где же он теперь?

– А после того, как его из акцизных увольнили, в Саратове у тещи живет. Теперь только зубами и кормится. Ежели у которого человека заболит зуб, то и идут к нему, помогает… Тамошних, саратовских на дому у себя пользует, а ежели которые из других городов, то по телеграфу. Пошлите ему, ваше превосходительство, депешу, что так, мол, вот и так… у раба божьего Алексия зубы болят, прошу выпользовать. А деньги за лечение почтой пошлете.

– Ерунда! Шарлатанство!

– А вы попытайте, ваше превосходительство. До водки очень охотник, живет не с женой, а с немкой, ругатель, но, можно сказать, чудодейственный господин.

– Пошли, Алеша! – взмолилась генеральша. – Ты вот не веришь в заговоры, а я на себе испытала. Хотя ты и не веришь, но отчего не послать? Руки ведь не отвалятся от этого.

– Ну, ладно, – согласился Булдеев. – Тут не только что к акцизному, но и к черту депешу пошлешь… Ох! Мочи нет! Ну, где твой акцизный живет? Как к нему писать?

Генерал сел за стол и взял перо в руки.

– Его в Саратове каждая собака знает, – сказал приказчик. – Извольте писать, ваше превосходительство, в город Саратов, стало быть… Его благородию господину Якову Васильичу… Васильичу…

– Ну?

– Васильичу… Якову Васильичу… а по фамилии… А фамилию вот и забыл!.. Васильичу… Черт… Как же его фамилия? Давеча, как сюда шел, помнил… Позвольте-с…

Иван Евсеич поднял глаза к потолку и зашевелил губами. Булдеев и генеральша ожидали нетерпеливо.

– Ну что же? Скорей думай!

– Сейчас… Васильичу… Якову Васильичу… Забыл! Такая еще простая фамилия… словно как бы лошадиная… Кобылин? Нет, не Кобылин. Постойте… Жеребцов нешто? Нет, и не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая – из головы вышибло…

– Жеребятников?

– Никак нет. Постойте… Кобылицин… Кобылятников… Кобелев…

– Это уже собачья, а не лошадиная. Жеребчиков?

– Нет, и не Жеребчиков… Лошадинин… Лошаков… Жеребкин… Всё не то!

– Ну, так как же я буду ему писать? Ты подумай!

– Сейчас. Лошадкин… Кобылкин… Коренной…

– Коренников? – спросила генеральша.

– Никак нет. Пристяжкин… Нет, не то! Забыл!

– Так зачем же, черт тебя возьми, с советами лезешь, ежели забыл? – рассердился генерал. – Ступай отсюда вон!

Иван Евсеич медленно вышел, а генерал схватил себя за щеку и заходил по комнатам.

– Ой, батюшки! – вопил он. – Ой, матушки! Ох, света белого не вижу!

Приказчик вышел в сад и, подняв к небу глаза, стал припоминать фамилию акцизного:

– Жеребчиков… Жеребковский… Жеребенко… Нет, не то! Лошадинский… Лошадевич… Жеребкович… Кобылянский…

Немного погодя его позвали к господам.

– Вспомнил? – спросил генерал.

– Никак нет, ваше превосходительство.

– Может быть, Конявский? Лошадников? Нет?

И в доме, все наперерыв, стали изобретать фамилии. Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую… В доме, в саду, в людской и кухне люди ходили из угла в угол и, почесывая лбы, искали фамилию…

Приказчика то и дело требовали в дом.

– Табунов? – спрашивали у него. – Копытин? Жеребовский?

– Никак нет, – отвечал Иван Евсеич и, подняв вверх глаза, продолжал думать вслух. – Коненко… Конченко… Жеребеев… Кобылеев…

– Папа! – кричали из детской. – Тройкин! Уздечкин!

Взбудоражилась вся усадьба. Нетерпеливый, замученный генерал пообещал дать пять рублей тому, кто вспомнит настоящую фамилию, и за Иваном Евсеичем стали ходить целыми толпами…

– Гнедов! – говорили ему. – Рысистый! Лошадицкий!

Но наступил вечер, а фамилия все еще не была найдена. Так и спать легли, не послав телеграммы.

Генерал не спал всю ночь, ходил из угла в угол и стонал… В третьем часу утра он вышел из дому и постучался в окно к приказчику.

– Не Меринов ли? – спросил он плачущим голосом.

– Нет, не Меринов, ваше превосходительство, – ответил Иван Евсеич и виновато вздохнул.

– Да, может быть, фамилия не лошадиная, а какая-нибудь другая!

– Истинно слово, ваше превосходительство, лошадиная… Это очень даже отлично помню.

– Экий ты какой, братец, беспамятный… Для меня теперь эта фамилия дороже, кажется, всего на свете. Замучился!

Утром генерал опять послал за доктором.

– Пускай рвет! – решил он. – Нет больше сил терпеть…

Приехал доктор и вырвал больной зуб. Боль утихла тотчас же, и генерал успокоился. Сделав свое дело и получив, что следует, за труд, доктор сел в свою бричку и поехал домой. За воротами в поле он встретил Ивана Евсеича… Приказчик стоял на краю дороги и, глядя сосредоточенно себе под ноги, о чем-то думал. Судя по морщинам, бороздившим его лоб, и по выражению глаз, думы его были напряженны, мучительны…

– Буланов… Чересседельников… – бормотал он. – Засупонин… Лошадский…

– Иван Евсеич! – обратился к нему доктор. – Не могу ли я, голубчик, купить у вас четвертей пять овса? Мне продают наши мужички овес, да уж больно плохой…

Иван Евсеич тупо поглядел на доктора, как-то дико улыбнулся и, не сказав в ответ ни одного слова, всплеснув руками, побежал к усадьбе с такой быстротой, точно за ним гналась бешеная собака.

– Надумал, ваше превосходительство! – закричал он радостно, не своим голосом, влетая в кабинет к генералу. – Надумал, дай бог здоровья доктору! Овсов! Овсов фамилия акцизного! Овсов, ваше превосходительство! Посылайте депешу Овсову!

– На-кося! – сказал генерал с презрением и поднес к лицу его два кукиша. – Не нужно мне теперь твоей лошадиной фамилии! На-кося!

Хамелеон

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городовой с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина… На площади ни души… Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

– Так ты кусаться, окаянный? – слышит вдруг Очумелов. – Ребята, не пущай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А… а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой накрахмаленной рубахе и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватает собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пущай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

– Никак беспорядок, ваше благородие!.. – говорит городовой.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеписанный человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамения победы. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала – белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

– По какому это случаю тут? – спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. – Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал!

– Иду я, ваше благородие, никого не трогаю… – начинает Хрюкин, кашляя в кулак. – Насчет дров с Митрий Митричем, – и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец… Вы меня извините, я человек, который работающий… Работа у меня мелкая. Пущай мне заплатят, потому – я этим пальцем, может, неделю не пошевельну… Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть… Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете…

– Гм!.. Хорошо… – говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. Хорошо… Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафую его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин, – обращается надзиратель к городовому, – узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Не медля! Она наверное бешеная… Чья это собака, спрашиваю?

– Это, кажись, генерала Жигалова! – говорит кто-то из толпы.

– Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто… Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождем… Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? – обращается Очумелов к Хрюкину. – Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь… известный народ! Знаю вас, чертей!

– Он, ваше благородие, цигаркой ей в харю для смеха, а она – не будь дура, и тяпни… Вздорный человек, ваше благородие!

– Врешь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врет, а кто по совести, как перед богом… А ежели я вру, так

пущай мировой рассудит. У него в законе сказано… Нынче все равны… У меня у самого брат в жандармах… ежели хотите знать…

– Не рассуждать!

– Нет, это не генеральская… – глубокомысленно замечает городовой. – У генерала таких нет. У него все больше лягавые…

– Ты это верно знаешь?

– Верно, ваше благородие…

– Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта – черт знает что! Ни шерсти, ни вида… подлость одна только… И этакую собаку держать?! Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально – не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй… Нужно проучить! Пора…

– А может быть, и генеральская… – думает вслух городовой. – На морде у ней не написано… Намедни во дворе у него такую видели.

– Вестимо, генеральская! – говорит голос из толпы.

– Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто… Что-то ветром подуло… Знобит… Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал… И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу… Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака– нежная тварь… А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

– Повар генеральский идет, его спросим… Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку… Ваша?

– Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!

– И спрашивать тут долго нечего, – говорит Очумелов. – Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать… Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая… Истребить, вот и все.

– Это не наша, – продолжал Прохор. – Это генералова брата, что намеднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч…

– Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? – спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой умиления. – Ишь ты, господа! А я и не знал! Погостить приехали?

– В гости…

– Ишь ты, господи… Соскучились по братце… А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад… Возьми ее… Собачонка ничего себе… Шустрая такая… Цап этого за палец! Ха-ха-ха… Ну, чего дрожишь? Ррр… Рр… Сердится, шельма… цуцык этакий…

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада… Толпа хохочет над Хрюкиным.

– Я еще доберусь до тебя! – грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

Влас Дорошевич

Двадцатый век

– Господина редактора!!!

– Пожалуйте в кабинет!

Господин с разъярённым лицом влетает в кабинет.

– Вы г. редактор?

Сидящий за столом мужчина молча наклоняет голову.

– В вашей газете напечатана про меня гадость, клевета, гнусность. Вы смеете утверждать, будто я совершил мошенничество, когда я сделал только подлог!

Сидящий за столом молча наклоняет голову.

– Ага! Вам нечего сказать! Вы молчите. Но я не позволю, милсдар, позорить моё доброе имя! Я никогда мошенником не был. Я честный человек, милсдар: меня даже по суду шесть раз оправдали по обвинению в краже!

Сидящий за столом молча наклоняет голову.

– Нечего кивать головой. Вы потрудитесь напечатать в завтрашнем номере вашей газеты извинение передо мной. Вы публично покаетесь, что смели назвать меня мошенником, когда я совершил только подлог. Иначе…

В то время, как сердитый господин так разговаривает с посаженным за столом манекеном г. редактора, сам г. редактор спрашивает у управляющего:

– Ну, как мой новый автомат, сделанный г. Молинари?

– Похож изумительно. Отлично кланяется. Все принимают его за вас. Ещё и сейчас с ним объясняется какой-то господин.

– Старый, работы Эдвардса, был великолепен. Но этот каналья Симонов влепил ему в голову шестнадцать пуль; Надеюсь, что новый манекен представителен?

– О, как нельзя более. Очень солидная фигура. Внутри часовой механизм, – он чрезвычайно важно наклоняет голову каждые две минуты. В общем он возбуждает величайшее почтение в гг. посетителях.

– Великолепно. Когда подумаешь, что в XIX веке гг. редакторы объяснялись со всей этой шушерой лично! Ха-ха-ха! Кто сегодня дежурный боксёр!

– Иван.

– А сколько явилось молодых поэтов со своими стихами?

– Шестнадцать.

– Пусть даст им всем боксом, а рукописи с поэмами, по обыкновению, отправит на нашу писчебумажную фабрику для превращения в бумажную массу. Слава Богу, благодаря изобилию молодых поэтов, мы избавлены от расхода на покупку тряпок для нашей писчебумажной фабрики.

Г. редактор переходит в «спиритическую комнату» редакции.

– Как дела?

– Только что вызывал дух Цицерона. Ничего не отвечает. Должно быть, занят с другой редакцией.

– Мне нет никакого дела, врёте вы или на самом деле там что-нибудь существует. Это меня не касается. Но на завтра в номере непременно должно быть новое стихотворение Пушкина, продолжение поэмы Лермонтова, лёгкий фельетон Гоголя и несколько острот Вольтера. Можете написать всё это сами или при помощи ваших молодых поэтов. Но эти имена должны быть у нас в газете. Мы обещали их сотрудничество.

– А не поинтервьюировать ли Наполеона: что он чувствует, когда на сцене нашего театра играют «Madame Sans-Gêne».

– Это идея. Но я надеюсь, что ваш Наполеон будет так любезен, что хорошенько отделает актрису, играющую королеву. Она была недостаточно любезна со мной.

Г. редактор переходит в редакцию.

– Что новенького, г. заведующий иностранной политикой?

– Пока ничего: ни по телеграфу, ни по телефону, ни с голубиной почтой. Мы ждём прилёта аэростата. Быть может, он принесёт какие-нибудь новости.

– Когда нет новостей, их надо выдумывать. Самые интересные политические новости, это всегда те, которые выдумываются. Вы помните этот огромный успех, который имело наше известие о бешенстве Гладстона-внука.

– Да, но потом пришлось опровергнуть.

– Ничего не значит. Публике это доставило только удовольствие. Все сказали: «И слава Богу, что этого не случилось». Все очень любят этого государственного человека. А что сегодня у наших конкурентов?

– Описание революции в Испании, которой не было.

– Ничего не значит. Публика с интересом будет читать подробности. Однако, эта скверная газетка начинает идти в гору. Попросите ко мне г. заведующего полемикой.

– Здравствуйте, г. редактор.

– Что вы сделали в смысле полемики с нашим конкурентом?

– О, великолепная штука, г. редактор. Останутся довольны. Я нашёл в Крыжополе однофамильца их редактора, известного вора Тоже Иван Иванович Иванов. Сегодня он приезжает в Одессу и завтра совершает первую кражу. Публика будет читать напечатанные крупным шрифтом заметки о кражах, которые совершает Иван Иванович Иванов, и будет думать на редактора враждебной нам газеты.

– Я вас понял. Это отличный полемический приём. Но зачем же откладывать первую кражу. на завтра? Никогда не должно откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Пусть украдёт что-нибудь сегодня же. Даже в нашей редакции. Это будет эффектнее. А вы пока составьте хорошенькую заметку: «До чего дошёл наш почтенный Иван Иванович Иванов!» Поставьте двадцать восклицательных знаков. Это пикантнее. Публика любит восклицательные знаки, как спаржу.

– Слушаю, г. редактор.

– Но этого мало. Их фельетонист «Хамелеон» имеет успех. Позвать ко мне нашего г. Бреттера!

– Я к вашим услугам, г. редактор!

– Вы должны принять меры против г. Хамелеона.

– Я уж подумал об этом, г. редактор. Сегодня в театре я наступлю ему на ногу, сам сделаю скандал, вызову на дуэль. Пистолеты. Двадцать шагов. Но, говорят, он сам попадает в бубнового туза. Вдруг…

– Это не должно вас особенно пугать. В случае неблагоприятного для вас исхода редакция имеет уже три предложения на ваше место от молодых людей, одинаково владеющих пистолетом и шпагой. Жалованье, платье от лучшего портного, расходы на первые рестораны и ничего не делать. Что может быть лучше для человека, от которого ничего не требуют, кроме эффектной внешности и уменья стрелять. Но попросите ко мне г. корректора.

– Г. редактор…

– Я вами недоволен, г. корректор. Сегодня в номере ни одной опечатки. Вы могли бы вставить перед фамилией гласного Х. слово «дурак». Это произвело бы сенсацию, а на завтра мы объяснили бы всё опечаткой и недосмотром корректора. Пожалуйста, чтоб в номере всегда были ошибки.

– Будут, г. редактор!

– Где г. хроникёр?

– Здесь, г. редактор.

– Я вами тоже недоволен. В описаниях дамских туалетов на скачках вы позабыли упомянуть, что г-жа Y. была уж в третий раз в одном и том же платье. Вы могли бы добавить: «Как не стыдно», и выразить сомнение, уж идут ли достаточно хорошо торговые дела хлебной конторы её мужа. Коммерческий мир это любит.

– Да, но мужья и так собираются, г. редактор, переломать мне рёбра за описания дамских туалетов. Дамы нашего города прямо посходили с ума и тратят последние деньги на туалеты, лишь бы попасть в газету.

– Тем лучше. А вы… Вы можете носить под пиджаком кольчугу. Кстати, с кем вы теперь наиболее близки?

– С закройщицей от m-me Аннет.

– Бросьте и начните ухаживать за мастерицей от m-me Жозефин. Там теперь получены новые парижские модели. Надо описать, потому что держится в секрете. А наш модный романист! Чем вы готовитесь нас подарить?

– У меня теперь четыре романа с дамами из общества. Я опишу их со всеми подробностями… Вы понимаете?

– Отлично. Ваш роман с артисткой Z не заинтересовал публику. Её и так все знают. Подробности никому не были новы. А роман-хроника, который вы даёте ежедневно?

– Подвигается вперёд. Мой красивый молодой человек каждый день имеет успех и потому мне рассказывает всё. Сегодня он отправился объясняться в любви к г-же W.

– Только ещё объясняться в любви!!! За ней ухаживает Троглотитор из конкурирующей с нами газеты! Он будет иметь успех раньше, – и мы будем иметь удовольствие прочитать о ней все подробности у конкурентов…

– Но что ж делать?!

– Пустяки! Вы говорите о добродетели, как будто мы всё ещё живём в XIX веке! Просто ваш молодой человек никуда не годится, он слишком медлит.

– Это скоро кончится, он, кажется, не на шутку увлёкся г-жой M., а так как мне для романа нужно отправить её в Кишинёв, то он, вероятно, застрелится.

– Посоветуйте ему. Это будет эффектным финалом для романа. Ничто так не читается, как романы из действительной жизни. Всё, что можно было выдумать в этой области, уже выдумано. Где г. заведующий морским отделом?

– Что прикажете, г. редактор?

– Давно не было никаких катастроф, г. заведующий! Вы заставляете публику скучать.

– Я принял соответствующие меры, г. редактор. Вчера перепоил всех помощников капитана парохода, ушедшего в Севастополь. И с собой им дал мастики. Мне кажется, что столкновение неизбежно случится, С минуты на минуту жду телеграммы из Тарханкута.

– Отлично. Публика это любит. Ну, а вы г. репортёр, – вы приготовили нам на завтра что-нибудь интересное?

– Двоих уговорил покончить самоубийством, одного убедил, что понятие о собственности есть предрассудок, и он, наверное, сегодня украдёт. Познакомил бухгалтера банка с шансонетной певицей. Наверное, растратит.

– Это всё мелочи. Неужели вы не могли приготовить что-нибудь покрупнее? Это в XIX веке репортёры сообщали о том, что уже произошло. В двадцатом – интересные происшествия надо создавать.

– У меня есть на примете убийство жены из ревности.

– А, вот это я понимаю. Ревность в двадцатом веке – очень редкое чувство.

– Будущий преступник уже здесь. Я не спускаю его с глаз, чтобы не передумал. Теперь он доведён до белого каления и читает в соседней комнате «Отелло».

– Пожалуйста, не давайте ему читать эту глупую комедию до конца. Ему станет жаль Дездемоны…

– Разве я не понимаю, г. редактор! У меня конец этой, как вы изволили выразиться, комедии вырван и напечатан другой. Я сам написал: Дездемона оказывается, действительно, виновной. На ревнивых мужей это производит впечатление калёного железа. Да вам не угодно ли видеть его самого, г. редактор?

В редакцию входит господин с бледным, как полотно, лицом, безумными глазами и волосами, прилипшими к мокрому лбу.

– Г. Петров. Несчастный муж, которого недостойно обманывает его жена! – рекомендует г. репортёр.

– Мы слышали о вашем несчастии! – с сочувствием говорит г. редактор, – наши репортёры собрали самые достоверные сведения. Ваша жена вас, действительно, обманывает!

– О, не говорите мне об этом чудовище. Я её убью…

– Это хорошо. Прочтите «La Bête humaine»[2] Золя, – ещё в прошлом веке было известно, что вид крови успокаивает человека.

– О, я её задушу, как собаку!

– Это, конечно, недурно. Похоже на «Отелло». Но теперь этой пьесы не понимают. Почему бы вам её не застрелить. Несколько пуль в голову, а потом, если хотите, можете застрелиться и сами. Это ещё лучше! Хотя, конечно, не обязательно. Можете быть спокойны, редакция позаботится о вашей защите При редакции имеется опытный адвокат. Кроме того, всё время, пока вы будете содержаться в тюрьме, вы будете ежедневно получать обед из «Северной» гостиницы на счёт редакции и нашу газету, из которой вы узнаете всю вашу биографию. Уговор один: не опровергать, если прочтёте в нашей газете, что вы родом португалец и уже зарезали двадцать человек. Это только придаст вам интереса.

– Хорошо! Я застрелю эту негодницу. Идём!

– Выдать г. Петрову из арсенала редакции шестиствольный револьвер и зарядить его на все заряды. Желаем вам успеха, г. Петров. Вы благородный человек и настоящее исключение среди мужей двадцатого века, Ещё раз – полнейшего успеха. Цельте немножко ниже, потому что револьвер всегда при выстреле отдаёт слегка вверх. До свидания, г. Петров. Г. репортёр, следуйте за г. Петровым.

– Это заинтересует завтра читателей, – замечает г. редактор, – а теперь займёмся театром и отделом справочных сведений. Где г. музыкальный рецензент?

– Что угодно, г. редактор?

– Вы заняты?

– Да, я слушаю по телефону оперу, которую поют теперь в Нью-Йорке. Великолепный состав.

– Обругайте по этому случаю нашу оперу, с указанием, как идут оперы в Нью-Йорке. А г. драматический рецензент?

– Я здесь, г. редактор.

– Вами я решительно недоволен. Вы разбираете игру в то время, как надо разбирать сложение артисток. Вот что интересует публику! Можете выразить несколько предположений относительно темперамента каждой. А про Русский театр напишите, что там кирпичи с потолка падают. Они смеют печатать афиши в типографии наших конкурентов.

– Я хотел просто обругать опереточную труппу.

---

[2] Человек-зверь.

– Это ничему не поможет. Кто в двадцатом веке верит газетным рецензиям? Тогда как ещё вопрос, – кто пойдёт, зная, что с потолка, того и гляди, рухнет на голову кирпич.

– Отлично, г. редактор.

– Кафешантанным рецензентом я вполне доволен Это очень умно, что он выдумал писать в рецензиях, какое вино пьёт каждая из шансонетных певиц и какие блюда она предпочитает. Это облегчает публику. Теперь справочный отдел…

– Я, кажется, г. редактор, всегда сообщаю самые верные сведения.

– Это-то и глупо! Верные цены коммерческий мир знает и без вас. А вы напишите на завтра, что в Одессу привезено 2 миллиона пудов пшеницы, и цена упадёт до 6 копеек за пуд. Это произведёт сенсацию. Газету будут брать нарасхват! Всё. Завтра у нас будет, кажется, интересный номер.

Г. редактор переходит в контору.

– Сколько разошлось?

– 472,529 экземпляров.

– Послать сломать ночью машину у конкурентов и объявить, что с послезавтра газета будет, в виду летнего времени, для удобства гг. подписчиков печататься на бумаге «смерть мухам». Не надо забывать, что мы живём в двадцатом веке, чёрт возьми!

Лечение земляникой, клубникой, садовой красной смородиной

(Письма в редакцию)

I

М. г., г. редактор!

С удовольствием прочитав в вашей уважаемой газете несколько случаев излечения земляникой, прошу принять и от меня случай, имеющий, как мне кажется, очень важное общественное значение. В прошлом году, в июне месяце, я нечаянно, в нетрезвом виде, упал и сломал себе руку. Так как время было земляничное, то я и ел всё время землянику. И что же? Благодаря землянике, сломанная рука не замедлила срастись! Свидетелями этому могут быть все мои домашние. Все они под какой угодно присягой не откажут подтвердить, что рука у меня действительно, срослась и что я ел землянику. Конечно, в это время были призываемы и доктора, которые накладывали мне гипсовые повязки, бинтовали руки в лубки и делали тому подобное. Но я приписываю исцеление, конечно, отнюдь не их искусству, а доселе мало известным и оценённым свойствам означенной земляники. С тех пор, уважаемый г. редактор, я пью не иначе, как крюшон, и. кладу в него всегда землянику. И что же? Более я не падаю и рук себе не ломаю. Так что землянике следует приписать ещё и удивительное предупреждающее от заболеваний значение. Для тех, кто пожелал бы лечиться указанным мною способом, спешу сообщить, что на каждую сломанную руку следует съедать по три фунта земляники в день. В интересах ознакомления с народной медициной, было бы крайне интересно познакомиться с действием другой русской ягоды – клубники. Было бы крайне важно, чтобы кто-нибудь сломал себе ногу и попробовал есть после этого клубнику. Не отзовётся ли кто-нибудь?

Примите и проч. Кузьма Кириллов.

II

Уважаемый редактор (с сожалением употребляю это немецкое слово)!

Всегда с удовольствием читаю вашу газету и от души рад, что упраздняете немецкую медицину при помощи простых, народных средств. Позвольте вам передать вкратце замечательный случай, бывший лично со мной. Как у меня от земляники выросла нога.[3] В прошлом году в это самое время был я на китайской войне и принимал деятельное участие в осаде посольств. Там я был ранен бомбою в ногу навылет, и доктора отняли мне вышеозначенную ногу начисто, так что образовалось совершенно гладкое

[3] Редакция оставляет этот случай всецело на ответственности корреспондента.

место, как бы зеркало. Время было земляничное. Я принялся есть эти сочные ягоды, – и что же? Через три дня на вышеуказанном гладком месте у меня, к общему удивлению, вырос ноготь. Далее, более, – из ногтя образовался палец, Я всё продолжал есть землянику и смотрел, что из этого будет. Палец постепенно превратился в целую ногу, пышно расцвёл и покрылся пальцами. Нога росла не переставая, и чем больше я ел земляники, тем больше росла нога. Так что я, в конце концов, предался ужасу. Но тут подоспело малинное время. Я начал есть малину, отчего дальнейший рост ноги прекратился. А кто бы стал сомневаться во всём вышеизложенном, того я попрошу пожаловать ко мне на квартиру, где осматривать мою ногу могут все желающие. Таково изумительное действие простой, русской земляники.

Крепко жму вашу руку. Моя нога вам кланяется.

Варсонофий Ноздрев, будущий член «Русского собрания».

III

Многоуважаемый г. редактор! Вы так много занимаетесь вопросами о средней школе и о землянике, что позвольте вам предложить проект. Почему бы не ввести в реформированной средней школе землянику? Об удивительном влиянии этой ягоды на психологический мир ребёнка позвольте мне рассказать вам следующий случай, бывший с моим собственным сыном Петром. Собственный сын мой Пётр трёх лет отроду, с шестимесячного возраста отличался удивительной наклонностью брать и есть без спроса всё съестное: баранки, сухари, приготовленное для котлет сырое мясо, конфеты и проч. Не особенно давно он даже съел (без особого вреда для здоровья) катышки, приготовленные для отравления крыс. Так что мы прозвали сына Петра «маленьким страусом». Но вот недели две тому назад – время было земляничное! – жена моя приготовила для варенья шесть фунтов спелой, необыкновенно сочной земляники, по 12 копеек за фунт. Земляника была положена в решето, и не успел никто досмотреть, как сын мой Пётр, по прозванию «маленький страус», подобрался к шести фунтам земляники и съел их все. И что же? После этого малютка заболел. Случай этот так повлиял на сына моего Петра, что он более никогда ни до чего положенного съестного без спроса не дотрагивается! О таком удивительном случае морального воздействия земляники на юношество считаю долгом до сведения вашего, а вас прошу до вести до сведения читателей вашей уважаемой газеты.

Примите и проч. Елпидифор Курицын.

IV

Милостивый государь и уважаемый г. редактор!

Теперь очень много пишут о целебных свойствах земляники. Позвольте же мне рассказать вам, как я, единственно благодаря землянике, был спасён от смерти. Да, истинно могу сказать, этой удивительной ягоде я обязан тем, что ныне живу, а не нахожусь в мрачных обителях Тартара, как говорили древние. Было это ровно 42 года тому назад, когда о целебных

свойствах земляники ещё и в помине не было, а все смотрели на неё, как на ягоду наслаждения.

Человек я в те времена, был молодой и красивый, а потому и был в белом коломенковом костюме. Время было земляничное. Был я большой ходок по части уязвления дамских сердец, а потому и поехали мы всей компанией кататься на лодке по реке Фундуклеевке. Взяли мы, как сейчас помню, балыку, колбасы копчёной, колбасы варёной, а сардинок тогда ещё не было. Конечно, хлеба. Я же, для большего успеха в уязвлении сердец, взял столь любимой дамами земляники. Пришли мы на берег Фундуклеевки и расположились, как теперь называют, пикником. Все сели и выпили, и я, придя в радостное настроение, начал прыгать и, то садясь на землю, то с неё вскакивая, делать разные курбеты для уязвления дамских сердец. Так как человек я был весёлый и очень остроумный, то мною все были очень довольны, и никто не упускал смеяться. Долго ли так продолжалось, теперь я не припомню. Но только внезапно раздался резкий крик, и всеобщая весёлость приняла размеры, свойственные скорее богам Олимпа, чем смертным жителям земли. Оказалось, что я, садясь на землю для курбета, сел как раз на приготовленную мною для дамского пола землянику. О действии сего на мои коломенковые панталоны предоставляю вам судить, любезный читатель!

Но юность беспечна, – многие думали, что я сделал это нарочно, по свойственному мне остроумию. Но я огорчился и, не будучи в таком виде в состоянии принимать участие в утехах с приятными предметами, после такого пассажа с горестью в душе ушёл домой.

И что же? Они, то есть вся компания, поехали кататься в лодке, перевернулись и утонули. А я, как отсутствующий, не утонул. С тех пор я без слёз не могу видеть земляники. И когда подают к столу мою спасительницу, – я плачу и говорю:

– Истинно велика это ягода, если я доныне, благодаря ей, живу на свете.

Прошу огласить этот поразительный случай спасения от смерти земляникой в вашей почтенной газете…

С отменным к вам, милостивому государю, почтением имею честь быть вашим, милостивого государя. слугою отставной секунд-майор
Ростаковский

.

V

М. г., г. редактор!

В настоящее время, когда на очереди, так сказать, земляника и ей отводится так много места в нашей уважаемой печати, позвольте мне сказать, чрез посредство вашей почтенной газеты, что не одна земляника имеет такое могущественное целебное значение. Не лишён его также и арбуз. Арбуз, при умелом его применении, может производить потрясающее действие на душу человека, к сожалению до сих пор мало известное в нашей психиатрии.

Позвольте рассказать вам то, что случилось в моей семье.

Кухарка моя, именем Василиса, при других достоинствах, имеет ужасно сварливый и неприятный характер. Что нам пришлось от неё

вынести, одному только Богу известно! Однажды она разбросала по полу вареники и топтала их ногами, крича:

– Вот вам, черти окаянные! Будете знать вареники!

В другой раз при гостях плюнула в сметану. В третий – измазала моей дочери голову свежей икрой, приготовленной для блинов, так что пришлось к блинам счищать икру с моей дочери. Да всего и не перечесть!

Я пробовал прибегать к лечению её земляникой. Запустил однажды в неё целый фунт. Но эта неизлечимая баба только воскликнула:

– Самим жрать нечего, а в людей земляникой пущаете!

Я получаю в месяц 150 рублей. Ну, как же мне жрать нечего?

Так же безуспешны были и все другие способы: малиной, вишнями. Пробовал пускать в неё даже чёрной смородиной. Но ничего! Наконец, чтобы досадить подлой бабе хоть чем-нибудь, я прибег к крыжовнику. А именно: насыпал Василисе в постель мохнатого, колючего крупного крыжовника. Но скверная женщина, обозлясь после бессонной ночи, осыпала всю нашу семью ещё тягчайшими оскорблениями. И вот на днях, когда дерзости её перешли все границы, я разъярился и ударил её по голове арбузом (время было арбузное). И что же? Арбуз разлетелся на восемь частей, а женщина, на которую до сих пор ничто не действовало, заплакала слезами раскаянья. С тех пор Василиса совершенно лишилась своего характера. Больше от неё не слышно ни одной дерзости. Она тиха, послушна, и когда глядит на меня, – в глазах её отражается спасительный страх. О таком действии арбуза на русский народ считаю долгом довести, через посредство вашей уважаемой газеты, до сведения всех, кому приходится иметь дело с народом. Бейте его арбузом!

Ваш слуга, отставной юнкер

Тесаков.

Женихи

Одесская трагедия

Я шёл по опушке Хаджибейского парка. Как вдруг из куста вылетел молодой человек.

Я даже вздрогнул:

– Бешеный!

Без шляпы. Костюм в клочьях. Зрачки глаз расширены от ужаса. Мокрые волосы прилипли ко лбу.

И прямо мне в ноги:

– Ради Бога!.. За мной гонятся!.. Я кинусь в эти кусты, – не выдавайте меня!.. Они!!!

И молодой человек ринулся в кусты.

Что такое? Что случилось? Что человек наделал?

Убил кого-нибудь? Зарезал?

Может быть, просто украл, – нынче у молодых людей это в моде.

По парку шёл треск.

Вправо от меня слышался лёгкий треск, словно летела какая-нибудь легконогая серна.

Полевее слышался треск посолиднее, словно прыгала тигрица.

И, наконец, прямо кусты трещали так, словно валил медведь.

Треск слышался всё ближе и ближе. Послышалось тяжёлое, прерывистое дыхание, какое-то сопение…

Может быть, и на самом деле медведь?..

Я оглянулся на всякий случай, – близко ли дерево?

– У-лю-лю! – раздался отчаянный вопль; кусты раздвинулись, – и я остолбенел.

Из кустов показался Иван Иванович, милейший Иван Иванович, добрейший Иван Иванович, почтенный отец семейства, – но в каком виде!

Лицо налилось кровью, в глазах ярость, волосы дыбом, и прямо ко мне.

– Подлеца видел?

– Какого подлеца?

– Подлец тут пробежал. Не видал?

– Да почему же, Иван Иванович, отличить человека, подлец он или нет? Нынче это трудно…

– Не видал, значит? Ну, да всё равно. Он от меня не уйдёт, не уйдёт, негодяй!

Иван Иванович погрозил кулаком:

– Благословлю!.. Благословлю анафему!..

И он так кричал «благословлю», словно хотел оторвать голову:

– Благословлю!.. Не убежишь! Нет, ты только вообрази, какова шельма: из-под благословения вырвался… Ну, да, брат, ладно! От меня не уйдёшь! У меня это всё правильно устроено: облава! Я, брат, охотник. На медведей ходил! У меня сторожа подкуплены. Куда ни побеги, – на сторожа наткнёшься. Весь парк оцеплен. А по кустам жена и дети пущены. Сынишка Петька на велосипеде рыщет. Дочь бегает, жена. Как только увидят, сейчас на меня гнать начнут и «у-лю-лю!» кричать. Хорошо бы гончими его, ракалию, потравить. Ну, да за неимением гончих своим семейством обойдёмся. Жене прямо сказано: увидишь, мёртвой хваткой за шею бери и вали. А отбиваться начнёт, – за ноги кусай, чтоб бегать не мог. А я тем временем подойду и благословлю.

– Да что с тобой, Иван Иванович? От жары это у тебя, что ли? С чего это ты таким неподходящим делом вздумал заняться! Анафем благословлять?!

– А что ж с ними делать, как не благословлять? Благословлю, – и кончено. Нет, ты себе представить не можешь, до чего подлый нынче молодой человек пошёл! Ты ему всякое удовольствие, угощаешь, окрошку для него делаешь, а он в благодарность хоть бы на твоей дочери женился. Хоть бы из вежливости! Окрошку ест, и даже по две тарелки, а как до свадьбы дошло, – «не расположен», говорит. К одной окрошке расположение и чувствует. Ты только представь себе. Приезжает на лиман молодой человек. Ну, я, натурально, сейчас через кухарку узнал. У меня ведь все чужие кухарки на жалованье. Как где показался молодой человек, сейчас обязана бежать и извещать. А уж я прихожу и знакомлюсь.

– Как, к незнакомому приходишь?

– А мне плевать, что он незнакомый. Познакомлюсь! Прихожу – вижу, молодой человек. «Ногой, – говорит, – страдаю». Мы в нём участие приняли, дочь даже за него замуж выдать хотели. А он, на-ко! Через перила!

– Как так? Через перила?!

– Очень просто. Сидим это мы перед обедом на террасе. Жена окрошку приготовляет. Она какую-то особенную делает, горчицы в неё много кладёт, – словом, от этой окрошки человек в некотором роде чувств лишается: сам не понимает, что говорит, что делает. Я поодаль сижу, чтоб молодым людям не мешать. А Олечка с ним, с анафемой, около перил об окрошке говорит. «Вы, – спрашивает, – Семён Иванович, окрошку любите?» – «Люблю, – говорит, – особенно с раковыми шейками! Раковые шейки – это восторг, что такое! Что может быть лучше шейки?» Кажется, объяснение прямое? Чего ж ещё ждать? Я к ним: «Я, говорю, вас, Семён Иванович, понял! Берите Олечку, целуйте её шейку, сколько вам угодно»… И только что хотел благословить, а он, подлец, ногу через перила – и в кусты. Мы и погнали!

В эту минуту где-то вдали послышался отчаянный вопль:

– Иван Иванович! Сюда! Держу!.,

– Жена вцепилась!

И Иван Иванович шарахнулся в кусты.

– Держи!.. За ноги кусай!.. Я сейчас!.. За ноги… За ноги…

Голос Ивана Ивановича слышался всё ближе и ближе к тому месту, откуда раздавались вопли.

– Скорее! – вопил женский голос. – Рвётся!

– За ноги кусай, за ноги!.. Олечка, Петька! У-лю-лю! К матери на помощь! – раздавался голос Ивана Ивановича. Вот он, вот я!..

Но в эту минуту раздался страшный, отчаянный крик – и всё смолкло.

Я стоял ни жив ни мёртв. Что за драма разыгралась в чаще? Убили?

Снова затрещали кусты – и на дорогу вывалился Иван Иванович.

Именно, вывалился, а не вышел. Истомлённый, измученный:

– Вырвался!.. И ведь как, подлец, ухитрился. Жена ему в икры зубами вцепилась. Сын его два раза велосипедом переехал. Дочь за волосы держала. Думал: «благословлю». Нет! Увидал меня, анафема, словно калёным железом кто его прижёг. Ведь раздавленный, а как кинулся! У дочери в руках даже волос клок остался. А всё Петька, каналья, виноват! Не умеет с женихами обращаться. Разве по жениху на велосипеде нужно ездить? Сел бы ему на голову, – и всё тут. Вот как с женихом нужно!

Иван Иванович присел на скамейку.

– Не поверишь, брат, как трудно нынче жениха отыскать!

– Да, может, насчёт женихов вы очень разборчивы?

– Мы?! Да нынче, брат, лакеев с большей разборчивостью берут, чем женихов. Это прежде было: чтоб жених не курил, в карты не играл. А нынче просто; одно от него, от идола, только и требуется: женись! И того не хочет!

– Что ж это они?

– А вот поди, спроси у них, у идолов. Вот какие они нынче молодые люди пошли! Никак не благословишь… Да я тебе вот что ещё скажу…

Но Ивану Ивановичу не удалось договорить.

К нам летела горничная:

– Барин! Барин! Домой скорее бегите! К вам кухарка с соседской дачи пришла!

Иван Иванович вскочил как встрёпанный.

– Прощай, брат, некогда… Новый появился… Благословлять побегу! Может быть, и удастся…

Мы встретились с Иваном Ивановичем недели через две на бульваре.

Он шёл, понурив голову, изнемогая от жары.

– Иван Иванович! Что это тебя в такую жару в город принесло?

– По делам был. В управе, потом в справочную контору…

– Ужели жениха чрез контору искал?

– Его самого. У меня, брат, хитрая механика теперь подстроена. С членом управы с одним познакомился. Обещался для меня в управе место столоначальника попридержать. Ты знаешь, это выгодно. Так вот по справочным конторам и хожу: нет ли какого-нибудь молодого человека без определённых занятий? Я ему место в управе, а он в благодарность чтобы на дочери женился. И ему хорошо, и мне выгодно: управский столоначальник – это, брат, по нынешним временам жених – слава Тебе, Господи! Конечно, это не скотобойщик, но всё-таки…

– Ну, и что ж?

– И на это не идут. Место, – говорит, – возьму с удовольствием, а к женитьбе расположенья. не чувствую! По газетным объявлениям ходил. Какой-то молодой человек 100 рублей предлагает, чтоб место ему доставить. «Вот вам, говорю, и без ста рублей и жена и место. И сто целковых целы останутся и жену ещё получите!» Да он, дурак, оказывается, уж женат. Детей семеро. Конечно, жену можно бы и отравить, у меня порошок такой есть, а детей по приютам…

– Иван Иванович!!!

– Да что ты мне «Иван Иванович!» «Иван Иванович!» Я сорок пять лет Иван Иванович! Была бы у тебя дочь на возрасте, – посмотрел бы я, что бы ты запел,

Зашли тут же на бульваре позавтракать.

Иван Иванович рыбу съел, но над котлетой задумался.

– Ты что ж, Иван Иванович, не ешь?

– Постой, – мне в голову одна мысль пришла.

– Что ещё?

– А знаешь ли, мне этот лакедрон очень нравится!

– Кто такой?

– Лакей, что нам подаёт! Приличный такой, почтительный! В Одессе немного и молодых людей таких найдёшь. Очень-очень приличен!

– Иван Иванович, да неужели же ты…

– Что ж тут такого необыкновенного? Что лакей? Так что ж, небольшое приданое дам, – сами ресторан откроем, жена по кулинарной части, окрошку будет делать, я по винной кое-что смыслю. Право, сейчас ему предложение сделаю!

Но подошёл кто-то из знакомых, и Ивану Ивановичу помешали.

– В другой раз, – решил он, – а теперь к себе на лиман поеду. Да что ты к нам никогда не заедешь? Заехал бы, окрошки поел. Ты хоть и женатый человек, а всё-таки заезжай, поешь!

Я собрался к Ивану Ивановичу как-то на неделе.

Подъезжаю, – слышу вопли.

«Батюшки, думаю, должно быть, Иван Иванович кого-нибудь благословляет».

Хотел было повернуть назад, как вдруг с дачи вылетает в растерзанном виде жена Ивана Ивановича.

– Спасите! – кричит. – Изверг меня уродовать хочет!

– Как так уродовать?

– А вот спросите у него, он на даче с хирургическими инструментами возится.

Вхожу.

– Иван Иванович, что ты тут за зверства. делаешь?

– Никаких, – говорит, – зверств; просто хотел. жене на носу оспу привить.

– Это ещё зачем? У неё не привита разве?

– Привита, и даже два раза, – этой зимой ещё прививала. А я хотел на носу – для спокойствия.

– Иван Иванович, опомнись, выкупайся, воды выпей, что ли…

– Да что ты меня за сумасшедшего принимаешь, что ли? Я, брат, знаю, что делаю! Это я для женихов.

– Для каких женихов?

– Для Олечкиных. Отыщешь для Олечки жениха, а он за мамашей ухаживает. Ведь нынче молодёжь какая! А будет нос в оспе, – небось, не станет ухаживать. Вот я и хотел…

– Иван Иванович!

– Да что ты ко мне пристал: «Иван Иванович!» Ты вот меня поздравь лучше! Подлеца поймал.

– Какого подлеца?

– А вот, за которым тогда по парку гонялся. Не миновал моих рук. – Благословлю!

– Как же это тебе удалось?

– А очень просто. Объявил всем сторожам, будто он у меня пятьсот рублей украл, и сто рублей награды обещал тому, кто приведёт.

– Иван Иванович, да ведь это клевета!

– Уж это там что бы то ни было! А только поймали и привели.

– Да ведь за это под суд можно!

– Вот, вот! И он меня из погреба судом пугает.

– Как из погреба?

– В погреб я его посадил. Запер и ключ у себя держу. Кормлю селёдкой, а пить не даю. Пока идти под благословение не согласится.

– Да ведь это истязание!

– Я и сам знаю, что истязание! А он согласись жениться, – вот и истязание кончится. Надо же их, наконец, заставлять жениться.

– Ох, Иван Иванович, попадёшь ты на каторгу!

– Не попаду, – согласится, Я на своём поставлю: благословлю. Долго не продержится. Он и теперь уж – в чём душа держится! Хочешь, пойдём, посмотрим!

Смотреть я не пошёл, но расчёты Ивана Ивановича сбылись.

Через два дня я получил пригласительный билет:

«Иван Иванович и Матрёна Карповна Фунтиковы имеют честь покорнейше просить вас пожаловать на благословение их дочери Ольги с коллежским регистратором Семёном Ивановичем Скриповым, имеющее быть в субботу, 20 июля, во дворе дачи Фунтиковых».

Я отправился.

Зрелище, которое мне представилось, было поистине изумительно.

Посреди двора два дворника держали за руки и за ноги распростёртого на земле «жениха», а Иван Иванович стоял над ним, плакал от умиления и говорил:

– Дети мои, благословляю вас, будьте счастливы!

В тот же вечер я встретил Ивана Ивановича в Гранд-Отеле.

Он был выпивши:
– Дочку замуж выдаю! Жениха нашёл!
И даже хвастает:
– А уж как её любит!!!

Легенда о происхождении корсета

Милостивые государыни!

Вас, конечно, интересует происхождение вашего друга.

Лучшего друга!

С которым вы расстаётесь так редко.

Который обнимает вашу талью одинаково плотно…

И которому даже ваш муж не может запретить этого!

Словом, вы, вероятно, интересуетесь происхождением корсета.

Историки пишут на этот счёт разное.

А потому их не стоит читать.

Мало ли глупостей написано в истории?

Правда сохранилась в наш век только в старых легендах, – и её-то я хочу рассказать вам.

Храбрый рыцарь Рауль, прозванный «Синей Бородой», очень любил женщин.

Из этого я заключаю, что он был, наверное, более храбр, чем умён.

И, может быть, по этой причине пользовался небольшим успехом у женщин,

Стоило славному рыцарю уехать на год в какой-нибудь поход, как по возвращении он обязательно находил прибавление к семейству.

В детской стояла маленькая кроватка с гербом предков Рауля, а в ней лежал маленький пискун, похожий как две капли воды… или на пажа, или на оруженосца.

Это происходило не в наши времена, а потому Рауля это сердило.

Для подобных случаев он вырабатывал себе такое обыкновение.

Новорождённого приказывал записать в пажи, супругу отравить, а сам немедля женился на другой.

Отдохнув дома, он ехал в поход, и через год повторялась точка в точку та же история.

Таким образом, по прошествии нескольких лет, Рауль фон-Синяя Борода мог быть уверенным, что он будет иметь всех пажей и оруженосцев в двух копиях, а его алхимик Пополани, занимавшийся отравлением жён, доложил рыцарю, что в фамильном склепе больше нет свободных мест.

Тогда Рауль фон-Синяя Борода пришёл к заключению, что женщинам не следует верить.

Заключение жестокое, но нельзя сказать, чтобы скороспелое.

Рыцарь Рауль фон-Синяя Борода ничего не решал так, «с кондачка».

Придя к такому заключению, Рауль отправился в фамильный склеп и в этом грустном месте предался своей горести, один на один с гробницами покойных жён, чтоб пажи и оруженосцы не смеялись, что он оплакивает их любовниц.

– О Розалинда! – рыдал он, обращаясь к одной гробнице. – Я ли тебя не любил? Я ли не подарил тебе отличные чётки из крупных изумрудов? Чтоб достать те изумруды, я разрушил замок барона фон-Габенихтса, упокой Господь его душу, и переколотил всех: и его и его вассалов, чтоб их пёс побрал! Я считал тебя такою богомольною, а ты…

– Ты, Леонора! – плакал он над другой гробницей. – Ты так любила лошадей. Разве плоха была шестёрка белых без отметин арабских коней? Чтоб достать их, я объехал полсвета! Сжёг сорок сарацинских городов, двести деревень, трупы валялись по дороге так, что ни пройти ни проехать! А ты, что ты делала, пока я бился с сарацинами? Была ты бела и без отметин, как те лошади, которых я вёл тебе в подарок? Нет.

– Ты, Изора, прекраснейшая из жён! Не подарил ли я тебе и чёток Розалинды, и лошадей Леоноры, и драгоценное ожерелье, сорванное мною с чалмы султана, и ещё массу дра-

гоценных подарков? А ты – чем ты отплатила мне за всё это? Променять рыцаря на оруженосца! Где была твоя голова?

– А ты… имени твоего я не припомню… А на гробнице прочитать, – здесь темно, да я и неграмотен. Но ты была хорошенькой женщиной, клянусь твоим прахом. Твои губки были как вишни, щёчки как розы, волосы как золото. И всё это – и вишни, и розы, и золото – отдать кому же? Пажу! Который даже и толка-то в вишнях, как следует, не понимает!

Так плакал славный рыцарь Рауль фон-Синяя Борода по горячо любимым жёнам, и когда оплакал последнюю гробницу, вынул меч и дал торжественную клятву честного рыцаря никогда больше не верить женщинам и вперёд принимать свои меры.

Довольно!

Он вышел из склепа совсем другим.

– Собираться в дорогу! – крикнул он через неделю после того, как женился на хорошенькой Алисе, – Да собирайтесь все! Все до одного! Пажи, оруженосцы, – все!

– А кто же будет защищать нашу знатную госпожу, если на замок вдруг сделают нападенье?

– Для этого останутся только хромые, слепые, горбатые оруженосцы, и то не моложе пятидесяти лет! Знаем мы, собаки, как вы заботитесь о вашей госпоже, когда меня дома нет! Этот способ забот мне не нравится! Так-то.

– Алиса, – обратился он к жене, – наша верная супруга! Ни шагу не переступать через ворота замка! А вы, старые псы, смотрите в оба за нашей верной супругой! И чтоб сюда не переступал ногой ни один мужчина. Женской прислуги тебе оставлено довольно, а насчёт пажей… Нет, шалишь, мой верный друг!

Сказал, дал шпоры коню и был таков со всею свитой.

Прошёл год.

Рыцарь Рауль фон-Синяя Борода возвращается из блестящего похода, везёт подарки верной жене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.